
ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ИСТОРИКА

ПЕРВАЯ «ВСТРЕЧА» С БАРТОЛОМЕ ЭСТЕБАНОМ МУРИЛЬО

Е.А. Ларин

Центр латиноамериканских исследований
Институт всеобщей истории РАН
Ленинский пр-т, 32а, Москва, Россия, 119991

Возможно, далеко не самому великому французскому писателю Д`Исарну Фрейссине принадлежат, на мой взгляд, великие слова: «Искусство – это прочувствование человеческого, объединенное с предчувствованием божественного». Они вспомнились мне в музее Прадо в Мадриде, когда я впервые увидел воочию картины Мурильо. Тогда показалось, что данная фраза обязана своим появлением именно таланту этого замечательного художника. От его полотен исходило какое-то неземное сияние, передававшее нам через три с лишним века и душевную теплоту, и одухотворенность Мастера. Конечно, мой восторг – это восторг дилетанта, восхищение творчеством одного из крупнейших художников XVII в. не искусствоведа, а историка. Но, может быть, последнее обстоятельство и дает мне какое-то право так обостренно воспринимать его солнечные краски, комбинации которых были порождены им в годы схоластики и инквизиции.

Бартоломе Эстебан Мурильо родился 31 декабря 1617 г. в Севилье. Рано лишившись родителей, воспитывался тетей, поощрявшей его увлеченность рисованием. Первые уроки он брал в мастерской Хуана де Кастильо, не очень известного художника, но, видимо, хорошего педагога, сумевшего поставить юному дарованию высокую технику живописи.

Уже в то время он обращается к религиозной теме, правда, отнюдь не в силу своей чрезмерной набожности, а прежде всего потому, что картины на эти сюжеты пользовались большим спросом в Испанской Америке. Появлялись деньги, «набивалась» рука, росла популярность (пока еще только в коммерческих кругах).

Важной вехой в его творческом становлении была встреча с гранадским художником Педро де Мойей, побывавшим в Англии и возвратившимся оттуда с копиями картин Ван Дейка. Увидев их, Мурильо был потрясен мас-

терством голландского живописца. Возникло желание незамедлительно направиться в Лондон, но он доехал только до Мадрида и понял, что и в испанской столице есть чему поучиться.

Некоторые искусствоведы (в том числе и испанские) считают, что в 1642–1644 гг. Мурильо стажировался там у самого Веласкеса, однако каких-либо существенных доказательств столь тесного общения двух грандов испанской живописи до сих пор не найдено. Больше того, во многих работах даже ставится под сомнение сам факт пребывания Мурильо в испанской столице в то время.

И все-таки влияние Веласкеса кажется бесспорным, неслучайно некоторые портреты, написанные Мурильо, приписываются Веласкесу. Также очевидно, что на формирование художественного вкуса Мурильо существенно повлияли Рибера и Сурбаран, а также живописцы венецианской школы. Творческая зависимость Мурильо от этих художников явно прослеживается в 40-е гг., что позволяет говорить о его пребывании в течение длительного времени в Мадриде, о знакомстве с полотнами этих мастеров и с коллекцией картин Эскориала.

Работы Мурильо, с которых начинается полоса его признания, относятся к 1645–1646 гг., когда им были созданы восемь картин для крытой галереи монастыря францисканцев в Севилье. Затем он пишет «Ангельскую кухню св. Диего из Алькалы», «Явление Святого Франсиска» и «Кухню ангелов». В ту пору могло сложиться впечатление, что эти картины сделаны в соавторстве идеалистом и реалистом. Такой вывод особенно напрашивается для первого полотна, главные герои которого ирреальный святой Диего и реальная нищета с ее жертвами – бородатыми попрошайками, несчастными женщинами и «счастливыми» детьми, которые вот-вот получают от святого половник супа.

Конец 1940-х – 1950–1970-е гг. – наиболее плодотворный период в творчестве художника. В 1648 г. он женился на знатной и состоятельной даме Беатрис де Калабрера-и-Сотомайор, освободившей Мурильо от материальных забот и позволившей всецело реализовать свой творческий потенциал. В этот период он создает свои лучшие произведения. Появляются серии картин, объединенных такими темами, как «Непорочное зачатие», «Святое семейство», «Ребенок Христос» «Ребенок Христос, уколотившийся терновым венцом», создаются портреты святых.

Слава его растет. «Испанский Рафаэль» – такого сравнения кроме него не удостоивался ни один из испанских художников. Мурильо становится не только самым ярким и последовательным певцом священных сюжетов, но и оказывается в центре духовной жизни Севильи. В 1660 г. основывает академию живописи, ездит по монастырям и храмам, постоянно встречается с представителями клира, создает общество верующих «Братство Святого Луки» гильдии живописцев Севильи.

Два его сына становятся священниками, дочь принимает постриг. Вся семья живет Богом, верой, а ее глава доверяет эти чувства краскам, которые, повинувшись сердцу и руке мастера, запечатлевают сиюминутное для вечно-

сти. Создаются истинные шедевры: «Ревекка и Елеазар», «Св. Изабелла Венгерская», «Богоматерь с Младенцем».

На финише жизни Мурильо постигла участь многих художников тех времен: в 1680 г. он упал из-под купола расписываемого им монастыря капуцинов в Кадисе и от полученных ран скончался в Севилье 3 апреля 1682 г., оставив потомкам немеркнувшее сияние своего таланта.

Художественная критика не всегда была благосклонной к Мурильо. Иногда его упрекали в слащавости, сентиментальности, а порой и фальши. Тем не менее, он, безусловно, занимает важное место в истории испанской живописи и культуры.

Древнегреческий поэт Симонид Кесский называл живопись немой поэзией, а поэзию – говорящей живописью. В «немой поэзии» Мурильо блестяще выражены религиозные чувства испанского народа и в известной мере всей эпохи, того времени, когда религия была основным моральным компасом общества. Отнюдь не желая ставить под сомнение справедливость критических замечаний в адрес художника, хотелось бы все же вспомнить слова Лессинга из его знаменитого «Лаокоона»: «...Мы всегда готовы простить художнику некоторые недостатки в замысле, поскольку находим у него достоинства в исполнении».

Путевые заметки, к жанру которых я могу отнести и эти свои впечатления, чаще всего не касаются глубинных основ того или иного явления. Они важны, прежде всего, своим эмоциональным зарядом, своим первым открытием, своей радостью какого-то внезапного открытия. Встреча с творчеством Мурильо в музее Прадо как раз и представляет собой тот самый случай.

FIRST «ENCOUNTER» WITH BARTOLOMÉ ESTEBAN MURILLO

E. Larin

Centre for Latin American Studies
Institute of World History of Russian Academy of Sciences
Leninsky Ave., 32a, Moscow, Russia, 119991